

Андрей Львович Ливадный

Наемник

Аннотация

Роуг... Эта выжженная Галактической войной планета таила в себе главную загадку смертельного противостояния прародины человечества и колоний. Капитан Земного Альянса Глеб Дымов не мог и предположить, что именно ему придется разгадать ее. Предательство адмирала Воронцова сделало возможным создание сообщества киборгов, поставивших себе целью уничтожение прогнившей человеческой цивилизации. Маниакальный страх большинства людей перед мыслящими машинами оказался пророческим предвидением. Над планетами обитаемого Космоса

нависла чудовищная угроза.

Пролог

История не терпит вольных трактовок. Она – неразрывная цепь свершившихся событий, объективно существующих причин и следствий... Как бы ни старались ее отредактировать, представить в нужном для определенных людей свете, все – тщета. Скрытые от нас факты рано или поздно становятся достоянием пытливых исследователей, ибо мы живем не в век изустных преданий, а в эпоху высоких технологий. Каждое событие, способное существенно повлиять на ход истории, оставляет следы, как материальные, так и информационные. Они не могут быть скрыты навсегда,

уничтожены окончательно.

Поиск неизвестных нам страниц истории начинается с возникновения противоречий, туманных трактовок, несоответствия данных, полученных из разных источников. И тогда возникает поиск. Увлекательный, порой смертельно опасный, но неизбежный.

Как любой исследователь, ищущий истину, я вижу противоречия в ныне существующей официальной трактовке новейшего периода истории цивилизации и спрашиваю себя: могла ли Галактическая война, длившаяся три десятилетия, иметь движущей силой лишь притязания на жизненное пространство с одной стороны, и ненависть к захватчикам, стремление любой ценой отстоять свои миры – с другой?

*Математические модели,
учитывающие реально*

существовавшие балансы сил, упрямо отвечают – нет, Галактическая война завершилась бы в течение трех-пяти лет.

Я понимаю, невозможно оцифровать понятие «человеческий фактор», нельзя измерить героизм и трусость при помощи чисел, как невозможно оценить воздействие тотальной пропаганды на умы граждан Земного Альянса. Однако существует ряд неоспоримых, документально подтвержденных фактов. Вот лишь некоторые из них:

Спустя десятилетие войны, к 2618 году, население Солнечной системы и планет, входящих в Земной Альянс, составляло один миллиард девятьсот тысяч человек. Остальная часть цивилизации, призванная под знамена прародины, погибла в титанических битвах. Нуждались ли они –

оставшиеся в живых – в жизненных пространствах колоний? Ответ очевиден – наполовину обезлюдевшие мегаполисы Земли, бескрайние терраформированные равнины Марса, колонии лун Юпитера и Новой Земли предоставляли достаточно простора для жалких остатков Человечества, создавая идеальные условия для того, чтобы война угасла сама по себе, даже вопреки амбициям высшего генералитета Альянса.

Вы спросите о справедливой ненависти жителей колоний?

Да, она полыхала, требуя отмщения, и могла затянуть войну еще на год или два. В ту пору Землю от «удара возмездия» надежно защищали два рубежа обороны. Разработанные земными учеными генераторы помех, установленные в пространстве гиперсферы, искажали силовые линии

аномалии, вдоль которых когда-то двигались колониальные транспорты Первого Рывка, не позволяли кораблям Флота Колоний совершить прямой прыжок на координаты прародины. Любой из гиперсферных маршрутов, ведущих к Земле, неизбежно выводил космические корабли в одну из систем так называемой Линии Хаммера, под удар автоматических станций обороны, к планетам, превращенным в неприступные цитадели, окруженные пространственными минными полями, в царство машин, полностью изменивших реальность двадцати четырех миров. Лишь к 2635 году, когда конструкция гиперпривода была усовершенствована, Земля оказалась в зоне прямой досягаемости, а все пространственные рубежи утратили былое стратегическое значение, Флотом Колоний был нанесен удар по

метрополи, фактически положивший конец войне.

Однако вернемся к статистике.

В 2608 году на вооружении Земного Альянса появились первые системы боевого искусственного интеллекта. К 2619 году они составляли уже девяносто семь процентов от общего числа боевых единиц, сражающихся на стороне Земли, восполнив, а где-то и полностью заменив людей в командовании низшего и среднего звена.

В свете приведенных фактов возникает ряд закономерных вопросов:

Чья воля руководила боевыми действиями со стороны Альянса на протяжении полутора десятилетий, в период с 2620 по 2635 год, планируя не только боевые операции, но и строительство периферийных опорных пунктов на планетах, находящихся вне

границ освоенного космоса?

Не трансформировалась ли война людей, развязанная Всемирным Правительством Джона Хаммера, в войну машин?

Данные статистики утверждают – да. Гибельный шаг был сделан. Сейчас широко распространено мнение, что победа Свободных Колоний стала возможна благодаря трем факторам: личному мужеству солдат и офицеров, сражавшихся за свои планеты, изобретению аннигиляционной установки «Свет», применение которой остановило вторжение армاد Альянса еще в начале войны, и постоянному приросту населения колоний за счет потерянных миров эпохи Великого Исхода, вновь открытых в результате боевых действий на пространственных фронтах.

Мое мнение – подлинную историю войны замалчивают.

Мужество защитников колоний неоспоримо, но его недостаточно для победы над противником, обладающим миллионными армиями боевых механизмов.

Глупо подвергать сомнению адскую, всеразрушающую мощь аннигиляционной установки «Свет», но семь флагманских крейсеров, оснащенных этим видом оружия, не в состоянии выиграть войну, они способны лишь выжечь дотла энное количество звездных систем.

Документальные свидетельства тридцатых и начала сороковых годов двадцать седьмого века говорят о затяжных позиционных боях и крупномасштабных техногенных сражениях на восьми пространственных фронтах,

включающих десятки звездных систем и сотни планет.

Постоянное напряжение непрекращающихся схваток, когда не выдерживала техника, а люди сходили с ума, требовало непрерывного притока пополнений...

Я не ставлю под сомнение героизм солдат, защищавших свои планеты, но возникает вопрос: могли ли принятые в союз Свободных Колоний деградировавшие поселения эпохи Великого Исхода, пережившие четырехсотлетний упадок, мобилизовать бойцов, подготовленных для управления сложнейшими техническими комплексами, сражавшимися против «Одиночек» Альянса?

Нет.

Напрашивается вывод, что у Свободных Колоний находились на

вооружении собственные системы искусственного интеллекта, но их роль в войне тщательно скрыта, а информация о ней покоится под грифом «Совершенно секретно» в недостижимых для простого смертного хранилищах данных, расположенных на подземных уровнях Форта Стеллар.

И, наконец, последнее. Кто остановил боевые искусственные интеллекты у роковой черты, когда физическое уничтожение Человечества, как вида, стало неизбежным?

Ответ на поставленные вопросы и будет правдой о Галактической войне. Вполне вероятно, что такая информация, поданная честно, не только откроет истинную историю величайшего противостояния, но поможет предотвратить рецидив, зреющий на периферии Обитаемой

*Галактики спустя годы после
капитуляции Альянса.*

*Эрест Норг Логвил.
«Новейшие исследования».
Издание 2640 года...*

**Часть I
Глава 1**

**2634 год по летоисчислению
Земли.**

**Граница исследованных секторов
пространства. Планета Роуг.
Опорная точка
Флота Свободных Колоний.**

Глеб не любил планеты.

Он родился и вырос на орбитальной
станции в системе лун Юпитера.
Сознание, сформированное в условиях

искусственного микроклимата, среди отсеков и коридоров исполинского космического дома, так и не сумело окончательно примириться с реальностью открытых пространств. Откровенное проявление фобий из него вышибли в учебном центре, где происходила подготовка пилотов боевых серв-машин, но глубоко скрытая неприязнь осталась.

В помещении врезанного в скалы временного командного пункта царил зеленоватый сумрак.

Вдоль стен располагались блоки кибернетических систем, десятки голографических экранов тускло сияли, отображая общие данные тактической обстановки. Неяркий свет стек-голографов ложился на лица людей землистыми, неживыми бликами.

Командир батальона Перегудов дремал в кресле, в боковом ответвлении

бункера два пилота серв-машин негромко разговаривали.

– Слышал последние новости? – Алан Хорс потянулся за сигаретой, но передумал, покосившись на комбата, не выносившего табачного дыма.

– Ты о чем? – Глеб устало помассировал виски. Голова ныла с самого утра. Сказывалось напряжение последней недели непрекращающихся боев.

– Я тут оперативные сводки смотрел. Флот Колоний начал штурм Линии Хаммера. Юнона, Везувий и Новая Земля атакованы.

Комбат пошевелился, стряхивая дрему. В объеме одного из голографических экранов появилась пиктограмма активизации канала гиперсферных частот, секунду спустя пошла развертка данных.

– Пустое это все, – Дымов улегся на

койку, заложил руки за голову. – Зачем штурмовать морально и технически устаревший оборонительный рубеж? – спросил он. – Сам подумай, новые модели гиперпривода позволяют менять навигационные линии гиперсферы, не осуществляя промежуточные всплытия, так что Линия Хаммера давно утратила былое стратегическое значение.

– Да, но там полно техники, – напомнил Хорс. – Если бы я намеревался атаковать Солнечную систему, то позаботился бы о тылах. Чтобы в спину никто не ударил. Что молчишь, Глеб? Или скажешь, тебе все равно?

– Устал. Голова болит, – Дымов отвернулся к стене.

– А я тебе говорю – войне конец, – не унимался Алан.

Глеб ничего не ответил.

На панорамной сборке экранов тактической системы было отчетливо видно, как солнце коснулось вершин горных пиков и быстро исчезло за ними. В считанные минуты наступили сумерки, глубокие тени легли на серый фон скал, лишь гладь морского залива, расположенного ниже, далеко в тылу позиций батальона, матово отсвечивала алыми красками скоротечного заката.

– По ГЧ¹ сообщили: к нам направлена эскадрилья «Валькирий», – произнес Перегудов.

– Это новые штурмовики? – оживился Хорс.

– Они самые. Будут работать по седьмой батарее.

Глеб поворочался с боку на бок, потом сел и начал обуваться. Поспать все равно не дадут.

– Ты куда?

---

¹ ГЧ – гиперсферная частота. Любая межзвездная связь осуществляется на гиперсферных частотах.

– Выйду воздухом подышу, – Дымов взял со стола распечатанную Хорсом пачку сигарет.

– Подождал бы. Сейчас штурмовики начнут работать. Сам знаешь, техника новая, в боях еще не проверена. Всякое бывает. Могут случайно и наши позиции зацепить.

– Два раза не умирать, – буркнул Дымов, натягивая куртку.

– Не нравишься ты мне в последнее время, – комбат осуждающе взглянул на Глеба. – На самом деле смерти ищешь?

– Я сам себе не нравлюсь, – отрезал капитан, направляясь к выходу из бункера.

* * *

Лес кишел сервами.

Под пологом маскирующего поля,

накрывшего десятки квадратных километров горных склонов, ни на секунду не утихала «жизнь» механического муравейника. Тысячи автономных сервомеханизмов, не обращая внимания на человека, занимались неотложными делами, обеспечивая боеспособность батальона. Глеб остановился, мысленно отдал приказ на прямое подключение сканеров кибстека² к устройствам импланта,³ но привычное для пилота восприятие двух накладывающихся друг на друга реальностей вдруг вызвало резкое чувство отторжения, неприятия.

Тьма расступилась, теперь он отчетливо воспринимал энергоматрицы

---

² *Кибстек* – персональный кибернетический модуль. Оснащен мини-дисплеем и устройством голографического воспроизведения. Обычно исполнен в виде браслета, носимого на запястье. Стандартный имплант – устройство, вживляемое в височную область. Напрямую соединено с нервными тканями головного мозга человека.

³ Стандартный имплант вживляется человеку еще в роддоме. Кибернетическое устройство, оснащенное искусственными нейросетями, выполняет стандартный набор функций, позволяя владельцу мысленно управлять бытовыми приборами, персональным кибстеком, входить в сеть и т. д. В гнездо импланта можно подключать дополнительные специализированные кибернетические модули.

затаившихся под прикрытием маскирующего поля штурмовых носителей класса «Нибелунг-12NT», – к одному из них как раз подполз тягач, доставивший подбитый сегодня днем «Фалангер» сто восьмидесятой модели, из состава штурмовой группы, пытавшейся подняться по ущелью. Остальные машины так и остались там, погребенные под завалами обрушившихся в результате ураганного обстрела скальных пород. Погибшее серв-соединение возглавлял майор Шагетов – его вытащить пока не сумели, связь с командиром мобильной группы оборвалась пять часов назад. Фрайг его знает, жив майор или нет, возможно, что последняя передача данных велась уже не им, а модулем искусственного интеллекта серв-машины.

Глухая, безысходная тоска острыми

коготками царапала грудь, норовя добраться до сердца. Глеб отключил сканеры. Царство машин в минуты глухой, неодолимой усталости вызывало неосознанный протест, все казалось неправильным, зашедшим слишком далеко, – ведь подсознательно он понимал: три человека на батальон – это ничтожно мало. Рано или поздно – наступит и их черед, но, похоже, ничего не изменится с полным исчезновением людей.

Сплюнув, Глеб запретил себе думать о копошащихся вокруг механизмах.

Холодало рано, звезды в небе тускло мерцали, их призрачный свет искажался маскирующим полем, вокруг темной массой громоздились скалы, среди которых едва угадывались позиции батальона, зацепившегося за склон у подножия горного массива.

Некоторое время он машинально

всматривался в небеса, но тщетно.

Заметить невооруженным взглядом звено современных штурмовиков попросту невозможно, да Глеб и не старался, — опустошенный, озлобленный, потерявший интерес к жизни, Дымов стоял, равнодушно созерцая окрестности. Вырезанные лазерами капониры пластались заплатками тьмы на фоне серого камня, хищные контуры притаившихся в глубине укрытий серв-машин казались потусторонними призраками, иней, испятнавший скалы сразу после заката солнца, вызывающе белел, клочья маскировочной сети, разбросанные по краю свежей воронки, напоминали о трудном, но уже прожитом дне, два сгоревших дотла остова боевых планетарных машин чернели возле узкого разлома ущелья, постоянно нашептывая: ты на прицеле, о тебе

ПОМНЯТ...

Обстрел, прекратившийся час назад, мог возобновиться в любой момент.

Роуг – проклятое место. Отсюда не возвращались. «Отправиться на Роуг» означало – умереть. Без вариантов. Уже не первый год на истерзанной планете шли затяжные бои. Отдельный дивизион Флота Колоний, оборудовавший стартопосадочные площадки в глубинах горной страны, укрепивший позиции десятью сверхтяжелыми батареями противокосмической обороны, держался насмерть... хотя ходили упорные и, по мнению Дымова, далеко не беспочвенные слухи, что в живых там не осталось никого, а господствующие высоты контролируют исключительно сервомеханизмы, иначе сложно объяснить несгибаемое упорство защитников стратегически

важной планеты.

Кем я был десять лет назад? — невольно подумал он, и сам же мысленно ответил: — Девятнадцатилетним подростком. А тут уже шли бои. Нет там живых, а может, никогда и не было.

Он присел на выступающий край капонира, достал сигарету, прикурил. В черно-серой глубине укрытия притаился его «Фалангер» с бортовым номером 17. Сканеры серв-машины тут же отреагировали на крохотный источник тепла от уголька сигареты, мгновенно прикрыв пилота дополнительным маскирующим полем.

Мимо, царапая металлом о камень, резво пронеслась группа штурмовых сервомеханизмов. Промелькнув сумеречными тенями, они исчезли во мраке, направляясь в сторону ущелья.

Глеб глубоко затаился. Говорят — от

судьбы не уйдешь. А что такое судьба? Он усмехнулся внезапным мыслям, четко представив окружающую действительность. Армия сервомеханизмов, затаившаяся на склонах горного хребта, ждет приказа на очередной штурм господствующих высот. Они не ощущают обреченности, им неведомы чувства, разве что синтезированные сознания некоторых из искусственных интеллектов, управляющих серв-машинами, испытывают некий эквивалент повышенной нервозности перед боем. Но они — случай особый. Синтетические личности, существующие на основе нейросетевых модулей некоторых «Одиночек», не в счет. Они не люди и не сервы. Нечто среднее, одинаково чуждое, как для человека, так и для кибернетических

систем.⁴

Сигарета дотлела, обжигая пальцы.

Глеб раздавил окурок ногой. Два сонмища боевых машин ждут рокового приказа. Еще немного, и они ринутся уничтожать друг друга. И судьба горстки людей, оказавшихся среди ведущих бескомпромиссную борьбу кибернетических исчадий, – сгореть в предстоящей схватке.

Тьма скалилась серыми тенями. Холод заползал под одежду.

Его личное, субъективное падение в пропасть завершилось. Он достиг дна. Больше не осталось иллюзий, да и цель жизни потускнела, истерлась, словно подметка старой обуви.

Глеб зло усмехнулся набившим оскомину мыслям, гримаса горечи исказила черты лица. Десять лет назад ему, как многим другим подросткам,

---

⁴ Смотри примечания в конце книги.

бросили обглоданную, уже не раз и не два использованную кость надежды, обернутую в красивую упаковку пустых обещаний. Тогда казалось – нет ничего хуже, чем прозябание в опустевших мегаполисах Земли. Душа рвалась прочь от серых, унылых стен, и вербовочный пункт военно-космических сил, куда зазывала яркая голографическая реклама, казался вратами в иную жизнь.

Потом был учебный центр Юноны и полигоны Везувия.⁵

Надежда умирала долго. Ее выдавливало постепенно, от боя к бою, от одной потери к другой. Лица друзей – тех, с кем он когда-то вместе покинул Солнечную систему, – серыми тенями скользили во тьме. Никто из них не дожил до обещанных побед, никто не получил своего райского уголка на

---

⁵ Юнона и Везувий – две наиболее известные планеты Линии Хаммера.

далеких планетах, да и не мог получить, потому что за спиной серв-соединений Альянса оставался лишь прах выжженной дотла земли.

Глеб сопротивлялся дольше других. Он прошел через все: познал и липкий удушливый страх, и неистовое, граничащее с помешательством, животное желание жить, уцелеть в техногенном аду, затем будни войны взяли свое, и на смену инстинкту самосохранения пришел губительный азарт. Познав глубины полного нейросенсорного контакта с подчиненной кибернетической системой серв-машины, Дымов стал сдержан, холоден, логичен, но в его усталом, воспаленном взгляде теперь таилась искорка безумия. В часы и дни затишья между боями он впадал в глухую депрессию, жил ожиданием новой схватки, очередной возможности

еще раз пройти по тонкой грани между жизнью и смертью, ощутить слияние рассудка с мощью кибернетического механизма, выстоять там, где не выдерживал металл...

Его душа медленно погибала, но Глеб не понимал этого. Однажды, в последней попытке защититься, она заснула летаргическим сном, не в силах вынести боль потерь, не принимая подступающего в бою безумия, а Дымов даже не заметил, как подкравшееся безразличие к окружающему, циничное равнодушие, ожидание неизбежного финала окончательно превратили его жизнь в существование. Поблек азарт, остался лишь холод отрешенности, жизнь потеряла всякий смысл, — он не сломался, но угас, как гаснет свеча под порывом ветра. Утратив веру, окончательно похоронив иллюзии, Глеб

с определенного момента смотрел на окружающее, уже не пытаясь скрасить его тщетными надеждами на мифическое «светлое будущее». Все окончательно встало на свои места, и ему вдруг нестерпимо захотелось поставить точку.

Высоко в горах полыхнула серия разрывов.

Скалы вздрогнули, близкий, изломанный контурами горных вершин горизонт подсветили зарницы, – пламя вспухло, ударило в облака, разметав их багряно-седые космы; судорогой прокатился грохот обвалов, затем штурмовики, атакующие под защитой фантом-генераторов, истратив ракетный боекомплект, огрызнулись плазмой. Над позициями седьмой батареи ПКО противника блеснула ослепительная цепь молний, расходящаяся веерами сотен ветвистых

разрядов, с оглушительным треском ударили раскаты грома, и все стихло так же внезапно, как началось, лишь по подбрюшью свинцово-серых облаков, клубящихся над горными вершинами, скользили режущие нити лазеров, да огненными трассами отплевывались скорострельные зенитные орудия.

Из укрытия появилась широкоплечая фигура. Командир батальона полковник Перегудов взглянул в потемневшие небеса, словно рассчитывал увидеть там нечто большее, чем продемонстрировали ему мониторы боевого тактического комплекса, затем, заметив Дымова, подошел, присел рядом и негромко спросил:

– Видел, что новая техника вытворяет? Вышли из гиперсферы, подкрались, словно кошки, ни один сканер не пискнул.

Глеб кивнул. Машины действительно

высококласные. Жаль, что появились недавно и выпущены небольшой серией.

– Батарей они не уничтожили, – продолжил комбат. – Но потрепали конкретно.

– Поднимешь батальон?

Перегудов поморщился, неодобрительно посмотрел на Дымова, но все же ответил:

– Разведгруппа сервов уже выдвигается. Не знаю, Глеб, мы столько раз атаковали, что уже не осталось желания рисковать. Даже учитывая успешную атаку штурмовиков.

– Не век же нам на склонах торчать под обстрелом. – Капитану излишняя осторожность командира показалась неуместной. Атака «Валькирий» давала неплохой шанс закрепиться на высоте. Сложный рельеф горной местности

позволял серв-машинам подобраться достаточно близко к системе укреплений противника, находясь при этом вне секторов обстрела соседних батарей тяжелых противокосмических орудий. Главное, чтобы седьмая молчала.

– Послушай, Глеб, не лезь сегодня в пекло. Нас всего трое осталось. Пусть «Одиночки» начинают штурм.

– А мы? Отсидимся в бункере?

– Мы будем в рубках своих машин. Но не возглавим атаку.

– Это приказ?

– Глеб, не заносись! – Перегудов гневно взглянул на него. – Знаешь ведь, что официально отдать такой приказ я не могу.

Дымов кивнул. Спорить с комбатом, говорить лишнее не хотелось. В рубку. А там посмотрим...

– Я пошел, – Глеб направился к

укреплению, где хранилась боевая экипировка.

Риск предстоящей атаки все же вызвал некоторый подъем сил, легкую нервозность. Опыт боев подсказывал, — если наверху, среди атакованных «Валькириями» позиций батареи ПКО, уцелел хотя бы один генератор плазмы — батальону придется туго. За последние годы системы плазменных вооружений превратились в грозную силу. Пример тому — атака штурмовиков. Двигаясь на малых высотах, они ракетным ударом взломали защитные диэлектрические слои, изолирующие бункерную зону противника, а затем сбросили сгустки временно стабилизированной плазмы. При разрушении эти сгустки спровоцировали возникновение шквала из тысяч мощнейших электрических разрядов, которые человек исстари

привык обозначать термином «МОЛНИЯ».

В идеале комбинированный ракетно-плазменный удар должен полностью разрушить или привести в состояние временной негодности до девяноста процентов кибернетических систем и связанных с ними исполнительных комплексов, но как произошло на самом деле, насколько глубоко проникли разряды в недра бункерных зон, покажет только разведка боем.

Глеб подошел к нише с бронескафандром, приложил личный кодон⁶ к окошку сканера, и сервоприводная оболочка, считав полномочия пилота, пришла в движение, открывая доступ. Машинальным, отработанным до автоматизма движением ДЫМОВ

---

⁶ *Личный кодон* – микрочип, имплантируемый под кожу запястья офицерам Альянса. Дает полномочия доступа к любой подчиненной кибернетической системе, вплоть до управления «Одиночкой».

развернулся, сделал шаг назад, ощутив мышцами спины упругое сопротивление внутренней термоизолирующей и амортизирующей оболочки боевой экипировки.

Внешний мир тут же померк, истончился, осталось лишь ощущение вибрирующей дрожи от работы сервомоторов, сдвигающих на место бронепластины, затем включились электромагнитные замки, сухо щелкнула дублирующая механика, сотни датчиков плотнее прижались к телу, и ощущения внезапно трансформировались, — это приемопередающий комплекс импланта установил прямой контакт с подсистемами бронескафандра.

Дымчатое проекционное забрало шлема разделилось на несколько оперативных окон, куда начала поступать информация от

БСК⁷ «Аметист».

Границы восприятия окружающего резко раздвинулись, теперь Глеб видел не только предметы, но и энергетические сигнатуры,⁸ поддающиеся обнаружению при помощи встроенных в скафандр сканеров.

Загрузка командного интерфейса завершилась. Нервозность исчезла. На фоне ледяного спокойствия непроизвольная мышечная дрожь пробегала жаркими волнами, мощь сервоусилителей боевой брони особенным образом воздействовала на разум, меняя мировоззрение. Глеб повернулся, окинул взглядом лес, предвкушая еще одно перерождение

---

⁷ БСК – боевой сканирующий комплекс. Выпускался в различных модификациях, адаптированных для планетарных машин, космических кораблей, боевых скафандров.

⁸ Понятие «сигнатура» подразумевает любое сконфигурированное энергетическое поле (чаще сумма различных полей), которое может быть сопоставлено с излучающим энергию материальным объектом. В военной и гражданской системах идентификации существует понятие «карта сигнатур» – тут подразумеваются характерные, заранее известные распределения энергий, соответствующие работе определенных механизмов или их комплексов. Примером сложной комплексной сигнатуры может быть характерное распределение энергий, излучаемое космическим кораблем или сервомеханизмом при работе бортовых систем.

рассудка, его полное слияние с подсистемами «Фалангера».

Под маскирующим пологом лесопосадок кишело сонмище боевых сервов. Механический муравейник, разворошенный поступившими командами, пришел в целенаправленное движение, но Глеб уже не обращал внимания на всякую мелочь, почтительно уступающую дорогу человеку в бронескафандре.

Четверть часа назад он лежал на жесткой койке, отвернувшись к шероховатой стене бункера, безучастный к происходящему, но сейчас Дымова словно подменили. Им овладело губительное предчувствие близкого боя. Что бы там ни говорили военные медики, но адреналиновый голод тут ни при чем. Он — лишь бледная тень той зависимости, что развивается в результате прямого

нейросенсорного контакта между человеком и искусственным интеллектом серв-машины.

Существует грань, шагнув за которую вернуться назад уже невозможно.

Для каждого пилота она разная. Многие погибают в кресле пилот-ложемента, не в силах возвратиться обратно, в серый, унылый мир, где практически не осталось ничего живого, где любой серв, случайно зацепив тебя, способен ненароком искалечить... Человек, познавший ритмику техногенного боя, уже не видит в реальности ничего более яркого, слепящего, стремительного, любое ощущение — лишь тень прожитого там, за чертой.

Существует мнение, что пилоты серв-машин — кровожадные отморозки.

Чушь. Глеб не убил ни одного

человека. Люди попросту не встречались ему на полях сражений, где сходились в схватке тысячи сервомеханизмов. Война еще до его рождения ушла за грань, сожрав практически все человечество, но боевые машины, призванные заменить своих погибших создателей, продолжили безумное противостояние, придав ему новый, уже запредельный для живых существ импульс.

Дымов относился к особому поколению, рожденному в период войны, — он, как и миллионы сверстников, вырос в полностью автоматизированном мире, с первыми осознанными впечатлениями впитал сокровенную суть понятия «техносфера», чаще общаясь с искусственными интеллектами, нежели с людьми.

Ему с детства внушали: для

избранных смерти нет. Какой смысл
страшиться неизбежного, ведь
человеческое тело несовершенно, оно,
рано или поздно, стареет, изнашивается
и погибает в силу естественных
причин. Есть лишь один способ
изменить установленный природой
порядок вещей – доказать, что ты
лучший, первый среди равных.
Шагнуть за предел человеческих
возможностей, соединив рассудок с
искусственным интеллектом боевой
машины, – сражаться, ничего не
опасаясь, ведь разум пилота не
умирает, он после гибели тела
продолжает жить в нейросетевых
модулях «Одиночки».

Глеб верил постулатам этой новой
религии. Десятки его боевых
товарищей оживали там, в иной
реальности. Извращенная, порожденная
войной психология, невозможная для

человека, родившегося и выросшего в обычных условиях, стала для Дымова новым смыслом жизни.

Бытие определяет сознание. Древняя истина нашла еще одно подтверждение. Глеб вырос среди машин, человеческие радости и горести бледными тенями прошли мимо, и только в бою, на пике возможностей рассудка, он ощущал себя хозяином собственной судьбы.

Он умел различать искусственные интеллекты «Одиночек», безошибочно классифицировать их, пренебрегая эрзац-сознаниями, чутко ощущая, в каких нейросетях сохранилась матрица рассудка *настоящего* человека, а в каких она – лишь заводская запись.

Он бессмысленно страдал между боями, не понимая ни себя, ни других, часто не находил общего языка с Перегудовым и Хорсом. Они были старше, помнили довоенный мир, их

страшила смерть, волновали события, связанные с ее неизбежным приходом.

Дымова не заботила судьба Земли. За десять лет непрекращающихся боев он растерял большинство идеалов, похоронил прежние мечты и надежды, но не обрел новых.

У него развилась жесточайшая психологическая зависимость, мир вне прямого нейросенсорного контакта с кибернетической системой казался невыносимым, замедленным, бесцветным. Хотелось туда, в иное измерение, но уже *навсегда*.

Текущая боевая задача манила. В ней, как никогда прежде, ощущался предельный риск.

* * *

В капонире, где затаился «Фалангер» Дымова, царила антрацитовая тьма.

Глеб пересек границу маскирующего поля, и обстановка вдруг резко изменилась: из мрака проступили контуры боевого сервомеханизма, источающие ощущение неукротимой мощи. Для пилота исполинский механизм значил намного больше, чем боевой друг или живое, близкое по духу существо. Восприятие титанической силы смягчалось неразрывными узами глубоких психологических взаимосвязей между человеком и кибернетической системой искусственного интеллекта. Их духовное тождество зачастую принимало самые невероятные, необратимые формы, классифицируемые психологами как тяжелейшие виды зависимостей, психических расстройств, но страдали ими не только люди. «Одиночки» перенимали от своих пилотов не просто

бесценный опыт нестандартного человеческого мышления — они формировали в искусственных нейросетях копии человеческого рассудка, и здесь речь уже идет о двустороннем воздействии. Прямой нейросенсорный контакт необратимо менял и человека, и искусственный интеллект машины.

Глеб спустился в укрытие. «Фалангер» теперь возвышался над ним. Триста двадцатая серия по праву считалась венцом технической мысли. Каждый сантиметр активной брони, под которой за трехслойным корпусом скрывались десятки тысяч подсистем, каждый агрегат, сервоприводный узел, огневая точка или сканер прошли отшлифовку в боевых условиях и были доведены до состояния некоего конструктивного абсолюта.

Восемьдесят тонн кибернетики,

металлокерамики, оружия – для кого-то верный боевой друг, для кого-то необузданный зверь, исчадие высочайших, далеко опередивших свою эпоху технологий.

Дымов не задавался вопросом: кем является для него затаившийся в глубине капонира сервомеханизм. Они прошли вместе через столько смертельных испытаний, что уже не мыслили жизнь друг без друга. Для Глеба искусственный интеллект «Фалангера» был ближе, понятнее и дороже любого человека, с кем сводила и беспощадно разлучала судьба за годы войны. А как иначе? Прямой нейросенсорный контакт – это шаг за предел обычных человеческих возможностей, переход в иное измерение, на другой уровень восприятия окружающего мира и всего происходящего в нем. Сложно

выразить словами внезапные и необратимые перемены, наступающие в тот миг, когда рассудку впервые открывается совершенно иная реальность, и блеклый день вдруг распахивается навстречу, взрываясь красками неведомых ощущений. Сенсорика машины открывает перед пилотом неведомую вселенную, где он способен видеть, слышать, ощущать в миллионы раз сильнее, ярче, проживать за краткие мгновения целые эпохи, воспринимать окружающий мир посредством мощнейших сканирующих комплексов, не отделяя ни одну из исполнительных подсистем машины от своего тела и разума.

Пространство техногенного боя требует от человека предельной мобилизации моральных и физических сил — доли секунд порой спрессовывают в себе больше

информации и событий, чем вмещают иные годы жизни, и при таком невероятном напряжении полное слияние человеческого рассудка и кибернетической системы неизбежно. Те, кто не в состоянии принять иную данность, попросту сходят с ума еще до того, как боевая машина успевает отработать первый такт сложнейшего действия под названием «шаг».

Пилотами не рождаются, ими становятся однажды и навсегда.

Модуль искусственного интеллекта «Беатрис» отвечал Глебу взаимностью. Иначе и быть не могло, ведь «Одиночка» без человека все равно что калека. Заводской модуль, как правило, чист, у него нет опыта, нет эмоций, привязанностей, лишь холодная рассудительность, ведущая человека и машину по краю губительной пропасти. Пока происходит взаимная притирка

двух рассудков, они оба балансируют на грани, но, выжив в первых боях, машина и пилот превращаются в две половинки единого целого. Искусственные нейросети «Одиночки» обучаются с немыслимой скоростью, кристаллосхема «ИИ» аккумулирует в нейронных сетях матрицу личности человека и начинает мыслить в унисон с ним, подхватывает каждое ментальное усилие, все реже и реже ошибаясь в толковании приказов и намерений пилота.

Для Глеба его «Фалангер» являлся не монстром, не норовистым зверем, а живым, одухотворенным существом, продолжением собственного «я».

Мысли, проносящиеся в голове, не мешали Дымову действовать. Он прошел по узкой, оконтуренной искорками точечных сигналов дорожке, машинально отметив, что процесс

предстартовой подготовки практически завершен. Фермы стационарного обслуживания все еще находились на месте, замыкая корпус машины в ажурный каркас, но загрузочные люки артпогребов уже сомкнулись, глухой вой сервомоторов, передающиеся по земле вибрации, движение бронированных кожухов, встающих на место после проверки, — все свидетельствовало о финальной стадии готовности к предстоящему бою.

Дымов встал на овальную плиту, оконтуренную желтыми индикационными сигналами, и вариатор локальной силы тяготения тут же заработал, поднимая пилота на пятнадцатиметровую высоту.

В сумеречном освещении капонира мимо проплывали закрытые трехслойной броней детали боевой машины. Два ступохода, помимо

приводов и сложных соединений, обеспечивающих устойчивость «Фалангера» на любых типах рельефа, были усеяны датчиками самостабилизации, сканерами, огневыми точками, шарнирными гнездами лазерных трубок автоматической зенитной подсистемы. Наиболее уязвимые места конструкции были покрыты сегментами активной брони, через каждый метр виднелись выпуклости контейнеров, содержащих колонии ремонтных нанороботов.

Глеб посмотрел вверх.

Поворотная платформа «Фалангера» напоминала фрагмент космического корабля. За счет применения сверхлегких, но очень прочных материалов бронирование этого важнейшего узла сервомеханизма местами достигало метровой толщины, по периметру платформы

располагались закрытые в данный момент оружейные порты ракетных и артиллерийских установок нижней полусферы. В точках соединения ромбовидных бронеплит крепились противопехотные лазеры и скорострельные автоматические орудия, управляемые системой «Щит». Эмиттеры суспензорного поля,⁹ не имеющие внешних видимых деталей, располагались под вторым слоем брони, включаясь лишь при критических повреждениях корпуса.

Над поворотной платформой угадывались очертания массивного, обтекаемого, чуть уплощенного корпуса рубки. Сложная геометрия отдельных поверхностей, плавные выступы, выдвигаемые комплексы вооружений, десятки вспомогательных огневых точек, локационные

---

⁹ Смотри пояснение в конце книги.

надстройки, сборки коротких пусковых стволов, предназначенных для отстрела фантом-генераторов и контейнеров с нанопылью, формировали уникальный, неповторимый образ машины, который невозможно определить одной геометрической формой.

Внутри рубки (так по традиции именовался основной корпус серв-машины) располагался реактор, хранилище боекомплекта, отсек управления, десятки кибернетических модулей, в боковых и верхней полусферах выступали закрытые в данный момент обтекаемыми кожухами оружейные пилоны, на которых крепились электромагнитные орудия главного калибра, и пять типов ракетных установок, от тяжелых «Легионов», способных поражать орбитальные цели, до автоматических «Москитов», ведущих борьбу с

аэрокосмическими истребителями.

Гравитационный подъемник плавно остановил движение овальной плиты.

В броне «Фалангера» открылся люк шлюзовой камеры, и Глеб шагнул внутрь.

* * *

Центральную часть отсека управления занимала сложная конструкция пилот-ложемента, окруженного блоками аппаратуры. У «Фалангеров» и «Хоплитов» начиная с двести пятидесятой серии, а также в поздних модификациях аэрокосмического истребителя «Фантом» рабочее место пилота, катапультируемое в случае критических повреждений, приобрело вид и функции герметичной спасательной капсулы, преобразуемой

(в силу необходимости) в криогенный модуль.

Глеб поднялся по двум ступенькам. Перед ним с ноющим звуком приводов размыкались дуги амортизационного каркаса, открывая доступ к пилотажному креслу.

Короткий вибрирующий гул под ногами засвидетельствовал, что гироскопы самостабилизации опорно-двигательной системы «Фалангера» перешли в рабочий режим.

Серв-машина завершила процесс самотестирования. «Фалангер» чувствовал приближение схватки, кибернетическая система фиксировала появление пилота, она ждала его, по-своему тосковала, — человек и «Одиночка» обладали единым рассудком, сформированным в результате взаимного влияния при длительных нейросенсорных

контактах, — если называть вещи и явления своими именами, то нужно признать: в психологическом плане они уже не могли прожить друг без друга...

Сев в кресло, Дымов затылочной частью гермошлема коснулся упругого подголовника и замер, позволяя автоматике подключить к гнездам боевого скафандра два десятка стационарных кабелей.

Раздались негромкие, сухие щелчки, тихие вздохи пневматических приводов, затем послышалось резкое шипение, и мир начал преобразовываться.

Замкнулся амортизационный каркас кресла, к броне скафандра накрепко прилепились захваты страховочных фиксаторов, соединивших броню человека и системы ложементов в единый комплекс, следом пришли в движение, поднимаясь от пола рубки, две прозрачные створки из

бронепластика, за ними, словно лепестки механического бутона, выдвинулись наполненные аппаратурой поддержания жизни ячеистые сегменты, — они плотно прижались к бронестеклу, проникая сквозь специальные самогерметизирующиеся порты десятками собранных в тугие связки гибких шлангов, и, наконец, четыре бронированных лепестка отсекали неяркий свет, завершив формирование аварийно-спасательной капсулы.

Дымов не обращал внимания на рутинные операции, производимые автоматикой.

Его разум в эти секунды ускользал в иную данность, чтобы к моменту окончания подготовительных процедур соединиться с кибернетической системой серв-машины, восстановив целостность двух половинок сознания,

вынужденных в период затишья между боями существовать порознь.

Их духовную связь невозможно описать при помощи слов, означающих привычные для человека чувства. Ни одно определение не подходит – даже произносимые мысленно, они звучат плоско, двумерно, не отражают сути, вводят в заблуждение, порождая беспочвенные домыслы в среде непосвященных.

Активация...

Активация...

Активация...

Слово билось в рассудке, в такт участившимся ударам сердца.

Сотни подсистем «Фалангера», соединяясь с разумом пилота через приемопередающие устройства импланта, коренным образом меняли мироощущение человека. Сознание Дымова на миг помутилось, а когда он обрел прежнюю ясность мышления,

окружающий мир стал совершенно другим.

Сканеры «Аметиста» были теперь продолжением его нервной системы, границы восприятия резко расширились, открылась способность к «двойному зрению», — специально разработанные программные модули анализировали данные, получаемые от датчиков обнаружения, формировали на их основе понятные человеку образы и транслировали их непосредственно в разум пилота.

Первый момент контакта похож на контузию. К этому ощущению невозможно привыкнуть, каждый раз оно проходит на уровне таинства, подсистемы «Фалангера» воспринимаются по отдельности: жарко дышит реактор, медленно выпрямляются ступоходы, со звоном отскакивают фермы стационарного

обслуживания, сервоузлы, как мышцы, переполненные энергией, слегка дрожат в ожидании действия, с вибрирующим гулом сдвигаются защитные кожухи, открывая орудийные и ракетные порты...

Сонмище несвойственных для человека ощущений врывается в рассудок и внезапно обретает гармонию нечеловеческой мощи — пилот и машина теперь единый кибернетический организм...

— Глеб, не дури! — Голос комбата, транслируемый системой связи, вторгся в мысли чужеродной нотой, прозвучал громко, требовательно, пытаюсь вернуть разум Дымова в серость безысходных будней, отнять у него право догореть дотла, перейти на качественно иной уровень бытия, поставить, наконец, точку и больше не возвращаться в унылую реальность.

– Ноль семнадцатый, завершена загрузка и тестирование подсистем, – машинально ответил Глеб. Его пальцы уже скользили по усеянным текстоглифами¹⁰ широким подлокотникам кресла; пилот-ложемент повернулся, центруясь относительно рубки, включились десять голографических экранов, обеспечивающих стопроцентный сферический обзор.

– Глеб, я только что получил сообщение по ГЧ! Флот Колоний начал штурм Солнечной системы! Ты понимаешь, что это значит?! Война завершена, капитан! Нам больше не нужна эта планета! Все кончено. Дымов, ты слышишь меня?! Сегодня в бой идут «Одиночки». Мы остаемся!

– Извини, командир, – хрипло ответил Глеб. – Тут каждый решает за

---

¹⁰ *Текстоглиф* – символ, шифрующий определенную командную последовательность.

себя. – Он временно отключил внешний канал связи, машинально завершая процедуру подготовки к бою.

Глеб знал, что рано или поздно этот день наступит. Не чаял, конечно, дожить до него, вернее сказать, надеялся, что полное, окончательное перерождение произойдет раньше, и сейчас на краткий миг пришла озлобленная растерянность.

Глеб? Что происходит?

Мысленный вопрос «Одиночки» ожег разум, и капитан не сразу нашелся, что ответить.

Ника меня не предаст, – промелькнула мысль.

Системы боевого искусственного интеллекта «Beatris-27DU» стали устанавливать на машины начиная с двести семидесятой серии. По количеству нейромодулей «Beatris» в разы превосходила своих

предшественников — эта модель обладала беспрецедентными нейросетевыми мощностями, позволяющими киберсистеме сформировать и развить свой уникальный рассудок, но Глеб знал абсолютно точно: количество выпущенных кристаллосфер ограничено, они так и не попали в серию, им никогда не устанавливались «синтетические сознания», — «Beatris-27DU» всегда работали в контакте с *живыми* пилотами.

Погибали ли они вместе с человеком или продолжали воевать — для Дымова оставалось загадкой.

В их дивизионе насчитывалось всего три «Фалангера» триста двадцатой серии, и ни один из них не получал критических повреждений в ходе боев, по крайней мере на его памяти.

– *Слышала, что сказал комбат?*

Женский голос, звучащий в рассудке, имя собственное, мысленно произнесенное Глебом, – ничто не являлось случайным, надуманным или навязанным посторонней волей. Ментальная связь между человеком и системой искусственного интеллекта серв-машины возникает не сразу, не вдруг. «Одиночка» читает память пилота, адаптируется к его образу мышления, ищет в глубинах сознания облик, вызывающий положительную ответную реакцию, и формирует некий абстрактный, нематериальный аватар, виртуальный образ, который мысленно воспринимает пилот.

В случае с Дымовым основой для создания аватара стал образ девушки по имени Ника – его первая и единственная юношеская любовь, память о которой материализовалась

спустя много лет, на уровне нейросенсорного контакта с искусственным интеллектом сервера машины.

Выбор «Одиночки» нельзя назвать случайным. Поиск нужного образа в памяти пилота являлся одной из функций программного модуля адаптации и частью созданного для машины инстинкта самосохранения. Пилот воспринимал образ, пожертвовать которым он бы не сумел в самой тяжелой ситуации. Первые бои, пока кибернетическая система машины только начинала накопление боевого опыта, пока шла ментальная притирка между человеком и искусственным рассудком «Одиночки», правильно подобранный аватар помогал выжить им обоим, ну а дальше...

Дальше их затягивала пучина нейросенсорного контакта. Модуль

искусственного интеллекта обретал индивидуальность, основанную на чертах характера пилота, а человек постепенно начинал отождествлять себя с сервомеханизмом, подвергая машину лишь разумному риску...

Конец войне... – Глеб мысленно усмехнулся. – Хорс с Перегудовым тешат себя мечтами. Они думают, что тридцатилетнее противостояние можно остановить либо повернуть вспять. Ничего подобного. Пусть Флот Колоний прорвется к Земле, но что это изменит? Тысячи отдельно дислоцированных гарнизонов, сотни планетарных баз периферии, армады машин, сосредоточенные вне границ обитаемого космоса, не пострададут от удара, нанесенного по Солнечной системе, которая давно – лишь символ. Альянс восстанет из пепла, как мифический феникс. Жаль, конечно,

старушку Землю, но ее оккупация ничего не изменит, лишь придаст новый импульс войне, окончательно освободит искусственные разумы от диктата горстки сумасшедших стариков, засевших в генштабе.

Все системы «Фалангера» реактивировались.

– *Твое решение, Глеб?* – спокойно осведомилась Ника.

– *Боевая задача загружена?* – В его мысленном ответе все еще звучал отголосок раздражения, испытанного при разговоре с комбатом.

– *Да. Захват позиций седьмой батареи ПКО противника, овладение господствующими высотами. Два батальона штурмовых сервов уже начали выдвижение по склонам, согласно графику операции.*

– *Ведомые?*

– *На исходных позициях. Командный*

интерфейс загружен. *Режим ожидания. Ты не ответил на вопрос. Что происходит, Глеб?*

Если б он знал, то ответил бы честно и прямо. От Ники у него не было тайн.

Конец войне... Словосочетание казалось тяжелым, непонятным, оно ударило, словно удачно брошенный булыжник, оглушив, заставив рассудок на миг помутиться. Глеб чувствовал, что искусственный интеллект «Фалангера» ждет ответа, мысленно пытался найти его, но ничего не получалось: в сознании мелькали обрывочные образы, там на некоторое время воцарился хаос, с одной стороны, логика подсказывала, что захват Солнечной системы силами Колоний оборвет нити централизованного управления флотами, часть сил, таких как отдельная штурмовая бригада на Роуге, просто окажется предоставлена

сама себе, брошена на произвол судьбы, и, значит, начинающаяся битва станет особенно тяжелой и ожесточенной, — теперь им остается лишь одно — драться до последнего серва, до последнего эрга в накопителях, до последнего снаряда в артпогребах...

Да. Именно так. Нам остается захватить планету или умереть...

Для Глеба смерть в бою казалась предпочтительнее. Страх перед физической кончиной не тяготел над ним. Разум пилота, деформированный уверенностью, что смерть — лишь переход сознания на новый уровень бытия, страшился иного исхода — остаться в живых и оказаться запертым в хрупкой, капризной, требовательной к условиям внешней среды, уязвимой оболочке человеческого тела.

Мне нет места в этой реальности.

Машины продолжают войну... и я стану сражаться вместе с ними, но уже в другой ипостаси, а что будет потом? Там и посмотрим...

– *Включи каналы связи. Начинаем движение,* – мысленно произнес он, так и не ответив на вопрос Ники.

Искусственный интеллект сервера машины не стал настаивать на разъяснениях. Хаос мыслей, промелькнувший в рассудке Глеба, полностью воспринимался кибернетической системой, и она удовлетворялась этим, никак не обозначив *своего* отношения к происходящему.

– *Приказ принят,* – лаконичный ответ прозвучал в сознании Глеба сухо и бесстрастно.

На голографических мониторах рубки отобразилась компьютерная модель рельефа местности.

Отвесные горные склоны начинались в трех километрах от стационарных позиций батальона, для штурмовых сервов они не помеха, да и для взвода серв-машин по большому счету – препятствие преодолимое, но тратить ресурс прыжковых ускорителей в самом начале операции, пока не поражены огневые точки на господствующих высотах, Дымов не собирался.

– Ника, приказ звену «Нибелунгов» – не проявлять активности. Ждать моей команды под прикрытием фантом-генераторов.

– Задача передана.

На сером склоне зашевелились смутные тени.

Пока шли последние минуты подготовки к атаке, технические сервы обработали машины взвода составом «хамелеон», и теперь «Фалангер»

Дымова, как и четыре ведомых «Хоплита», мимикрировали, сливаясь с фоном местности, даже отсветы от пляшущих в горах разрывов не высвечивали контуры серв-машин.

– На связи «командный-два». Приступаю к выполнению задачи. Прошу уточнить поддержку по флангам.

К Дымову вернулась уверенность. Он чувствовал себя намного лучше, чем час назад, когда лежал, отвернувшись к стене бункера, и предавался мрачным размышлениям. На голографических экранах расступалась вязкая тьма, открывая взгляду подробности рельефа, справа и слева двигались пары «Хоплитов», в районе низких орбит планеты частыми, рваными сполохами растекалось сияние от разрядов плазмы – это системы ПКО противника били по сигнатурам, фиксируя множественные

гиперпространственные переходы.

Может, комбат ошибся и не все так плохо? Если началась битва за Землю, какой смысл бросать силы флота на штурм Роуга?

Глеб был хорошим пилотом, но, воспитанный в рамках армейской дисциплины, он чурался всяческой политики, отождествляя ее с чем-то грязным, скользким, ненадежным и даже вредным. Замыслы командования он не обсуждал, сужая их до рамок конкретной боевой задачи. Вот и сейчас, мельком подумав о причинах, заставивших генштаб отправить часть ударных кораблей на штурм планеты, он почувствовал, что за этим стоят непонятные, далеко идущие замыслы, но прикасаться к ним не хотелось даже мысленно, все равно не поймешь, лишь испачкаешься подозрениями и домыслами.

Таким станет и послевоенный мир,
— внезапно подумалось ему. — Люди, уцелевшие на суверенных планетах, будут тянуть одеяло на себя, использовать любые средства для достижения сиюминутных, только им понятных и выгодных целей, применяя для этого мощь флотов, серв-соединений, и это будет продолжаться до бесконечности...

Ника ловила его обрывочные мысли, не комментируя их.

Тем временем лавина штурмовых сервов уже преодолела отрезок пологого склона, часть из них узким стремительным ручейком вливалась в черный разлом ущелья, большинство же карабкалось по скалам, ведя непрерывный огонь по обнаруженным датчикам противника.¹¹

---

¹¹ Датчики раннего обнаружения, как правило, высеваются по площади. Обычно раз в сутки пространство перед укреплениями обстреливается контейнерами, содержащими миллионы микросканеров.

– Дымов, я с тобой разберусь! – пробасил коммуникатор голосом Перегудова. – Я же просил, не лезь! Это не наш бой!

– Я получил конкретную боевую задачу и собираюсь ее выполнить, – упрямо ответил Глеб. – Будут уточнения по дислокации сил?

Комбат зло выругался, но все же ответил:

– Слева от тебя начал движение третий взвод. Справа развивают атаку основные силы батальона.

– Понял. Передаю данные боевого взаимодействия. Встретимся наверху. Конец связи.

«Фалангер» Дымова уже преодолел пологий склон.

В полукилометре от позиции серв-машины вал огня и металла зримой, упругой, брызжущей разрывами волной катился по скалам. Небольшие по

размерам, цепкие, шустрые сервы приняла на себя первый удар, — уничтожая датчики, отвлекая внимание противника, они расчищали коридоры для продвижения тяжелой техники. Тысячи сервомеханизмов, заранее списанные в невосполнимый процент потерь, выполняли сейчас адскую черновую работу.

Ритмика боя захлестнула рассудок Глеба и уже не отпускала. Темп событий ускорялся с каждой секундой, окружающее пространство необратимо менялось, — над перевалом появилось звено штурмовиков противника, «Аметист» мгновенно зафиксировал их, но раскрывать позицию, атакуя воздушные цели, Глеб не стал, у него имелась более важная задача: на одной из горных вершин системы боевого сканирования определили работу четырех генераторов плазмы,

объединенных в батарею.

Атака штурмовых сервов грозила вот-вот захлебнуться. Около сотни уцелевших машин, впившись в скалы, вели непрерывный огонь по укрепленным позициям противника, но остановка в бою равнозначна смерти, — их участь уже предрешена, и сопротивление продлится не более минуты...

*Ника, активируй «Легион»!
Разрешаю удар «Пилумами» по позиции батареи плазмогенераторов!* — Отдав приказ, Глеб коснулся текстоглифа, запускающего оборонительную командную последовательность. Из коротких, расположенных по бортам рубки пусковых тубусов вырвались хоботки пламени, и через секунду окрестности начала заволакивать взвесь дыма и металлических частиц, — непроницаемые для лазерного огня

облака всклубились вдоль склона, блокировав работу сканеров противника, вынуждая звено штурмовиков прекратить атаку...

Ведомые «Хоплиты» разделились. Первая пара, двигаясь на зыбкой границе маскирующего облака, вступила в бой со штурмовиками, вторая выдвинулась вперед, машины восстановили связь с уцелевшими пехотными сервами, затем проанализировали состав и структуру горных пород и открыли огонь, провоцируя обвалы, формируя подобие исполинских ступеней, соединенных между собой коварными оползнями.

Для Глеба действия ведомых машин являлись очевидными, не требующими особого внимания или вмешательства с его стороны, — пока «Хоплиты» выполняли стандартные процедуры, обеспечивая прикрытие и прокладывая

путь для подъема по скалам, «Фалангер» Дымова произвел залп тяжелыми ракетами с разделяющимися боевыми частями, нацелив удар по зафиксированной позиции батареи плазмогенераторов.

Тактическая обстановка менялась с каждой секундой.

Горячая после запуска установка «Легион» еще опускалась в специальную нишу, а серв-машина уже начала движение сквозь облако маскирующей завесы, к уступам скал, образовавшимся в результате обвалов, вызванных огнем «Хоплитов».

Ника автоматически регулировала работу генератора искусственной гравитации, увеличивая либо уменьшая вес «Фалангера», ступоходы машины с зубовным скрежетом царапали камень, вгрызаясь ребристыми твердосплавными вставками в

малейшие неровности выбитых «Хоплитами» исполинских ступеней.

На экранах бокового обзора проплывали подробности кипящего боя – около трехсот сервов штурмовой поддержки, подтянутые из резерва, огрызаясь огнем лазерных и электромагнитных установок, неслись вверх по склону, обтекая «Фалангер» сплошной шевелящейся массой, – они карабкались по скалам, цепляясь гибкими, не имеющими сочленений конечностями за малейшие трещины или выступы, останавливались, сканируя местность, и снова устремлялись вверх, навстречу шквальному огню укрепленных позиций, расположенных на подступах к атакованной батарее противокосмических орудий.

Штурмовики противника, потеряв главную цель, с ревом проносились над

облаком дымовой завесы, на миг их сканеры поймали сигнатуру ведомого «Хоплита», и четыре «Гепарда», совершив стремительный боевой разворот, ударили ракетами. По правому борту, в трехстах метрах от машины Глеба, прокатилась судорога разрывов; мгновенно открывшийся канал телеметрии данных, принятый и обработанный Никой, выдал в отдельное оперативное окно отчет о повреждениях ведомой машины — ракеты не попали в цель, лишь осколками поцарапало броню да пара снарядов оставила глубокие выщербины в керамлите, сбив один из датчиков «Хоплита».

Взвод боевых планетарных машин вел шквальный зенитный огонь, — планетарные танки, не в силах вскарабкаться по отвесным скалам, были вынуждены осуществлять

поддержку с тыловых позиций, но их своевременное вмешательство дало результат: один из «Гепардов» внезапно превратился в пылающий факел, косо перечеркнул темный небосвод и врезался в скалы...

Поднимаясь по пологой осыпи на очередной уступ, Глеб открыл огонь из орудийных установок.

Гаусс-снаряды взламывали скалы, крошили стеклобетон, прошивали бронелисты, взрываясь внутри близлежащих укреплений. Торс «Фалангера» постоянно находился в движении, доворачивая на текущую цель, орудия, закрепленные на независимых подвесках, были сервомоторами точной наводки, пятитактовые очереди отдавались в сознании пилота глухой, ритмичной вибрацией, автоматические зенитные установки периодически озарялись

сполохами ракетных запусков либо воем очередей из скорострельных спаренных автоматов, еще один «Гепард» взорвался в воздухе, а два оставшихся штурмовика начали резко набирать высоту, уходя к горным вершинам.

Ведомые «Хоплиты» первыми ворвались на огромную площадку, где располагались передовые укрепления, защищающие седьмую батарею ПКО.

Сверху по ним ударили мощные лазерные установки.

Удары когерентного излучения неслись параллельно склонам, впивались в камень, взрывая скальную породу облачками праха, огромные деревья хвойных пород, составляющие основу маскирующих лесопосадок, вспыхивали, словно факелы, падали, подрубленные у корней, – окружающее пространство, озаренное заревом

пожаров, рассеченное глубокими черными тенями, теперь походило на зону глобальной катастрофы. Каждый метр скал либо принимал удары, либо огрызался ответным огнем, все смешалось — атакующий бросок батальона взломал передовые рубежи обороны, сотни сервов уже прорвались мимо разрушенных укреплений первой линии, но с господствующих высот по ним продолжали бить стационарные орудия, кроме того, сканеры «Фалангера» четко фиксировали две группы «шагающих лазеров», которые, заняв позиции на склонах, открыли ураганный огонь, сжигая десятки наступающих сервомеханизмов. Сотни сигнатур контратакующих пехотных сервов лавиной катились вниз, навстречу штурмовым группам Альянса, в некоторых местах схватки между машинами вскипали на

дистанциях в десять-пятнадцать метров, когда противники в буквальном смысле «видели» друг друга уже без посредства сканеров.

Глеб упрямо вел «Фалангер» к намеченной точке, не отвлекаясь на всякую мелочь. Орудия и ракетные установки его серв-машины били только по крупным стационарным целям, взламывая скалы и укрепления на глубину десяти-пятнадцати метров. Он чувствовал, как с каждой секундой возрастает ожесточенное напряжение схватки, «Аметист» периодически выдавал предупреждения о сбоях, — вокруг бушевали энергии, сравнимые со внезапно начавшимся извержением сотни вулканов, участки раскаленных горных пород взрывались от перегрева, источали призрачно-красное сияние, сотни разрывов перепахивали склоны, каждый миг меняя интенсивность

свечения и узор огненных рек...

Адский грохот затравленным эхом метался меж скальных уступов, обвалы и оползни становились все чаще, огромные глыбы камня, весом по нескольку тонн, рушились вниз, сметая все на своем пути.

Батальон прошел всего семьсот метров, прорвав передовую линию укреплений противника, и увяз, попав под перекрестный огонь в небольшой долине.

Один из ведомых «Хоплитов», получив не менее полусотни лазерных попаданий, внезапно вспыхнул, а затем взорвался, в доли секунды превратившись в багряно-черный сгусток пламени.

Атака вновь захлебнулась, все меньше штурмовых сервов отвечало огнем на огонь, планетарные танки безнадежно застряли внизу, по флангам

примерно на тех же высотах вели тяжелый бой механизированные группы, возглавляемые Перегудовым и Хорсом.

Нужно срочно ломать ситуацию. Глеб не понимал причины, почему поддержка с орбиты безнадежно запаздывает. Из-за множества маскирующих полей, помех, пожаров, взрывов, сложного рельефа местности он не мог дотянуться сканирующим излучением до зоны низких орбит, он воспринимал лишь потоки бурлящих в небесах энергий да фиксировал работу соседних, не поврежденных батарей противокосмической обороны противника. По всем признакам, на подступах к планете шел тяжелый бой, несколько раз над позициями батальона проносились группы аэрокосмических истребителей, но они не вели огня по наземным целям, а вновь взмывали

вверх, туда, где огненными болидами сгорали обломки космических кораблей и фрагменты станций противокосмической обороны.

Переключив «Аметист» в режим фильтрации помех, Глеб сосредоточился на окружающей обстановке, и через пару секунд кое-что начало проясняться. По информации боевого сканирующего комплекса, впереди и выше, вытянувшись в виде «подковы», располагалась вторая линия укреплений, защищающая ближние подступы к седьмой батарее ПКО...

Долина, куда вышла его механизированная группа, оказалась самой настоящей ловушкой. Сотни боевых машин противника, в основном «LDL-55»¹² и «MX-300»,¹³ окольцевали впадину, в буквальном

---

¹² «LDL-55» – модель шагающей лазерной установки колонистов.

¹³ «MX-300» – модель самодвижущегося реактивного миномета.

смысле расстреливая наступающих.

Критический момент наступил, и сейчас требовалось найти немедленный выход из ситуации.

«Нибелунги».

Только огневая мощь штурмовых носителей способна вырвать батальон из-под удара, но Глеб командовал лишь тремя боевыми единицами этого класса, а связи с Хорсом и Перегудовым не было, она оборвалась еще минут пять назад.

Он не раздумывал, как поступить. Лазерные разряды взрывали скалы уже в нескольких метрах от «Фалангера», Глеб вел огонь из всех видов бортового вооружения, ведомые «Хоплиты» прикрывали фланги, но их огневой мощи явно не хватало, чтобы переломить ход схватки.

Впереди, запирая выход из долины, вырастала отвесная стена. Глеб

отчетливо видел слоистую структуру серой скальной породы – ненадежную, покрытую трещинами, хранящую следы множественных осыпей, кое-где испятнанную влагой...

Отдав мысленный приказ, он чуть замедлил ход серв-машины.

Рубка «Фалангера» повернулась относительно платформы, и массивный орудийно-ракетный залп сбил фрагмент нависающего над долиной скального выступа, обрушив вниз сотни тонн камня, увлекаая в обвал десятки вражеских машин, и тут же, не останавливаясь, Глеб отработал реверсом двигателей, пропуская мимо шквал снарядов ответного залпа.

Глухо билось сердце.

С тонким воем перезаряжались орудийные и ракетные комплексы – боевой эскалатор подавал из артогребов остаток боекомплекта.

Еще минута – и от его взвода останется лишь воспоминание в виде завалов покоренной, выгоревшей техники.

Мысленные приказы Дымова, транслируемые Никой через локальную сеть, заставили подразделение резко изменить тактику: штурмовые сервы моментально рассредоточились, маскируясь, прекращая огонь, три ведомых «Хоплита» отстрелили фантом-генераторы, создавая десятки ложных сигнатур, привлечших внимание противника, а сами, расходуя остаток боекомплекта, начали обстрел обнаруженных позиций ПВО.

Глеб остановил «Фалангер» и произвел залп из всех ракетных установок. Гребень подковообразной возвышенности содрогнулся, окутался черно-оранжевыми сполохами разрывов, расползающимися в плотные

пылевые облака, внутри которых продолжали сверкать частые хаотичные вспышки.

«LDL-55», частично уничтоженные, а частью потерявшие возможность вести прицельный огонь, отступили, и ситуация вдруг замерла на грани, — атака захлебнулась, взвод по-прежнему находился в ловушке, оперативный боекомплект серв-машин был исчерпан, но и укрепления противника уже не представляли сплошной неприступной линии...

Пора...

Мысленный приказ ушел в эфир на канале командной частоты.

Несколько секунд, отмеченных глухими ударами сердца, показались Глебу вечностью.

Ника докладывала о полученных повреждениях, а он напряженно ждал, наблюдая, как пылают подбитые

машины, с грохотом срываюются обвалы камней, как мечется пламя по гребню отвесных скал, образующих каменный мешок, куда угодила его взвод, как медленно, будто «притормаживая», система боевого сканирования чертит разорванную линию вражеских укреплений...

Противник, наверное, подсчитывает потери и торжествует. Непрístupные позиции выстояли. Так думают они. Но Глеб, бросив в бой свой последний и единственный резерв, считал иначе.

Внезапно в глубоком тылу, словно призраки, возникли три неясные, расплывчатые сигнатуры. Они поднялись в воздух и стремительно материализовались, сбрасывая вуаль фантом-генераторов: массиванный залп тяжелых ракетных установок и генераторов плазмы конвульсивной судорогой ударил по площади в

несколько сот квадратных километров — это три приданных взводу штурмовых носителя покинули укрытия, сметая ураганным огнем второй рубеж обороны. Сплошной вал разрывов возник в сотне метров от «Фалангера» и покатился в глубь горной страны, выжигая бункера, сметая сервомеханизмы, оставляя после себя лишь покрытые воронками, объятые огнем исковерканные скалы...

Около двух минут по господствующим над долиной высотам плясало неистовое пламя разрывов, смешанное с бледным сиянием плазменных сгустков и ослепительно-яркими, магниевыми вспышками изломанных энергетических нитей, бьющих во все стороны, взрывающих скалы, поджигающих деревья, разрушающих технику... Затем два штурмовых носителя, не прекращая

ураганного огня, двинулись вперед, а третий начал снижаться, чтобы подобрать «Фалангер» и уцелевшие «Хоплиты».

В днище носителя открылись технические люки, оттуда выдвинулись захваты, предназначенные для подбора и экстренной транспортировки серв-машин, — через несколько мгновений Глеб услышал лязг, сопровождаемый напряженным гулом фиксирующего поля, и его «Фалангер», оторвавшись от земли, начал резко подниматься вверх.